

1. [CRIM I CÀSTIG](#)
2. [L'IDIOTA](#)
3. [APUNTS DE LA CASA MORTA](#)
4. [ELS GERMANS KARAMÀZOV](#)
5. [CARTES](#)

1. CRIM I CÀSTIG

És cert, no he obrat segons les regles de l'estètica! Decididament no puc comprendre per què llançar bombes contra una ciutat assetjada és una forma més digna! La por de l'estètica és el primer senyal de la impotència...! Mai, mai no he estat tan fort, mai no he estat tan convençut com ara!

(Fiódor Mikhàilovitx Dostoievski. *Crim i càstig*. Trad. Andreu Nin. Barcelona, Proa, 1965 [1929]. Part 6. Cap. VII. Vol. 2. p. 305)

Versió original

А! не та форма, не так эстетически хорошая форма! Ну я решительно не понимаю: почему лупить в людей бомбами, правильною осадой, более почтенная форма? *Боязнь эстетики* есть первый признак бессилия!.. Никогда, никогда яснее не сознавала этого, как теперь, и более чем когданибудь не понимаю моего преступления! Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!

(Фёдор Михайлович Достоевский. *Преступление и наказание*. М[осква], Олма-пресс, 2006 [1866]. p. 482-483).

2. L'IDIOTA

... quan m'heu demanat un tema per un quadre, tenia una idea, us podria oferir un tema: dibuixar la cara del condemnat un minut abans del cop de guillotina, quan encara està dret al cadafal, Abans d'ajaure's sobre aquell tauló.

- Com, la cara? Una sola cara? -preguntà Adelaida-. Seria un tema estrany, i quin quadre en resultaria?

- No ho sé, per què no? Insistí amb entusiasme el príncep-. No fa gaire vaig veure a Basilea un quadre així. M'agradaria molt contar-vos... Un dia us ho contaré... M'impressionà molt.

- Del quadre de Basilea ens han parlat necessàriament després-digué Adelaida-. Però ara interpreteu-me el quadre d'aquella execució. No podeu contar-nos-ho com ho imagineu? Com dibuixar aquesta cara? Així, doncs, una sola cara? I quina és aquesta cara, doncs?

- És exactament un minut abans de la mort -començà el príncep amb molt bona disposició, endut pels records i oblidant-se evidentment, a l'instant, de tota altra

cosa-. És el moment que puja per l'escaleta i que acaba d'arribar al patíbul. Aleshores l'home mirà cap on era jo; li vaig veure la cara i ho vaig comprendre tot...

(Fiódor Mikhàilovitx Dostoievski. *L'idiota*. Trad. de Josep M. Güell. Barcelona, Eds. 62, 1982. p. 72)

Versió original

... действительно у меня мысль была, когда вы у меня сюжет для картины спрашивали, дать вам сюжет: нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины, когда еще он на эшафоте стоит, пред тем как ложиться на эту доску.

— Как лицо? Одно лицо? — спросила Аделаида — Странный будет сюжет, и какая же тут картина?

— Не знаю, почему же? — с жаром настаивал князь. — Я в Базеле недавно одну такую картину видел. Мне очень хочется вам рассказать. Я когда-нибудь расскажу — очень меня поразила.

— О базельской картине вы непременно расскажете после, — сказала Аделаида, — а теперь растолкуйте мне картину из этой казни. Можете передать так, как вы это себе представляете? Как же это лицо нарисовать? Так, одно лицо? Какое же это лицо?

— Это ровно за минуту до смерти, — с полною готовностью начал князь, увлекаясь воспоминанием и, по-видимому, тотчас же забыв о всем остальном, — тот самый момент, когда он поднялся на лесенку и только что ступил на эшафот. Тут он взглянул в мою сторону; я поглядел на его лицо и всё понял...

(Федор Михайлович Достоевский. *Идиот*. Часть первая, V. 1867-1869. p. 141-142)

3. APUNTS DE LA CASA MORTA

Quan fosquejava, ens feien entrar tots als barracons, on quedàvem tancats tota la nit. A mi sempre se'm feia penós tornar del pati al nostre barracó. Era una habitació llarga, de sostre baix i asfixiant, il·luminada feblement amb espelmes de sèu, que feien un tuf feixuc i sufocant. No entenc ara com hi vaig poder viure deu anys. De l'entarimat que servia de llit, a mi em corresponien tres posts: era tot el meu lloc. I sobre aquest entarimat s'encabien en la nostra única habitació un conjunt de trenta homes. A l'hivern ens tancaven aviat; calia esperar ben bé quatre hores abans no s'adormís tothom. Fins aleshores tot era renou, xivarri, rialles, renecs, soroll de cadenes, tuf i sutge, caps rapats, rostres marcats, robes esparracades — agreujat, denigrat i tot... sí, l'home sobreviu! L'home és un ésser que s'acostuma a qualsevol cosa, i aquesta, em penso, és la seva millor definició.

(Fiódor Mikhàilovitx Dostoievski. “La casa morta”, *Memòries de la casa morta*. Cap. I. Trad. Jaume Creus. Barcelona, Adesiara, 1911. p. 17)

Versió original

Мертвый дом

Когда смеркалось, нас всех вводили в казармы, где и запирали всю ночь. Мне всегда было тяжело возвращаться со двора в нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым, удушающим запахом. Не понимаю теперь, как я выжил в ней десять лет. На нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока все засыпали. А до того — шум, гам, хохот, ругательства, звук цепей, чад и копоть, бритые головы, клейменные лица, лоскутные платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живуч человек! Человек есть существо ко всему привыкающее, и, думаю, это самое лучшее его определение.

(Федор Михайлович Достоевский. “мертвый дом”. *Записки из мертвого дома*. Москва, Издательство Проспект, 2013 [1860-61])

4. ELS GERMANS KARAMÀZOV

Però digues d'una vegada [Ivan], ¿hi ha Déu o no? Només vull que responguis seriosament. Ara ho vull seriosament.

- No. No hi ha Déu.

- Alioixa: ¿hi ha Déu o no?

- Sí. Hi ha Déu.

- Ivan, ¿hi ha immortalitat? Per petita, per petitoneta que sigui...

- No, no n'hi ha.

- ¿Cap?

- Cap.

- És a dir, un zero absolut... ¿o n'hi haurà una miqueta? ¿Per què no n'hi hauria una miqueta?

- Un zero absolut.

- Alioixa: ¿hi ha immortalitat?

- Sí.

- ¿Déu i immortalitat, totes dues coses?

- Déu reposa damunt de la immortalitat.

- Mmmm... Em penso que és l'Ivan qui hi toca més. ¡Senyor, quan un pensa quantes energies aquesta falòrnia ha costat a l'home, en pura pèrdua, d'ençà de milers i milers d'anys! ¿Qui es burla així de la humanitat? ¿Qui, doncs? Ivan, per darrera vegada i categòricament: ¿hi ha Déu, sí o no?

- No, per darrera vegada.

- Doncs, ¿qui es burla del món, Ivan?

- Probablement el diable —respongué l'Ivan amb sarcasme.
- ¿El diable existeix?
- No, no existeix.
- Pitjor que pitjor. ¿No sé pas què li hauria fet jo, al primer fanàtic que es va empescar aquesta falòrnia de Déu! Penjar-lo seria poc...
- Sense aquesta falòrnia, no hi hauria hagut civilització.

(Fiódor Mikhàilovitx Dostoievski. *Els germans Karamazov*. Versió catalana de Joan Sales; revisada per Arnau Barios. Barcelona, Club Editor, 2016 [1961]. p. 179-180)

Versió original

- А все-таки говори [Иван]: есть бог или нет? Только серьезно! Мне надо теперь серьезно.
- Нет, нету Бога.
  - Алешка, есть Бог?
  - Есть Бог.
  - Иван, а бессмертие есть, ну так какое-нибудь, ну хоть маленькое, малюсенькое?
  - Нет и бессмертия.
  - Никакого?
  - Никакого.
  - То есть совершеннейший нуль или нечто? Может быть, нечто какое-нибудь есть? Все же ведь не ничто!
  - Совершенный нуль.
  - Алешка, есть бессмертие?
  - Есть.
  - А Бог и бессмертие?
  - И Бог, и бессмертие. В Боге и бессмертие.
  - Гм. Вероятнее, что прав Иван. Господи, подумать только о том, сколько отдал человек веры, сколько всяких сил даром на эту мечту, и это столько уж тысяч лет! Кто же это так смеется над человеком? Иван? В последний раз и решительно: есть Бог или нет? Я в последний раз!
  - И в последний раз нет.
  - Кто же смеется над людьми, Иван?
  - Черт, должно быть, — усмехнулся Иван Федорович.
  - А черт есть?
  - Нет, и черта нет.
  - Жаль. Черт возьми, что б я после того сделал с тем, кто первый выдумал Бога! Повесить его мало на горькой осине.
  - Цивилизации бы тогда совсем не было, если бы не выдумали Бога.

(Федор Михайлович Достоевский. *Братья Карамазовы*. Том 1. Хárьков, DirectMEDIA / фолио, 2012 [1879-1880]. p. 141-142)

5. CARTES

Avui, 22 de desembre, ens han portat a la plaça d'armes Semenovski. Allà ens han llegit la sentència de mort a tots, ens han fet besar la creu, han trencat les espases en els nostres caps i ens han posat mortalles (camises blanques). Després han lligat tres de nosaltres al pal per dur a terme l'execució. Jo he quedat el sisè; en cridaven tres cada vegada, de manera que estava en el segon torn i no em quedava més d'un minut de vida. M'he recordat de tu, germà, i dels teus; en l'últim moment, tu, només tu, eres al meu cap, només aleshores m'he adonar de com t'estimo, benvolgut germà meu! També he aconseguit abraçar Plesxéiev i Durov, que eren a prop meu, i ens hem acomiadat. Però finalment s'ha sentit un toc de retirada; han deslligat els que eren amarrats a les estaques i els han retornat a lloc; llavors ens han anunciat que sa Majestat Imperial ens concedia la vida. Tot seguit han vingut les sentències de debò.

(Carta de Fiódor Mikhàilovitx Dostoievski de 22 de desembre de 1849 al seu germà Mikhail relatant el moment abans de ser executat. Trad. JLY, d'AIDA)

Versión original

Достоевский в процессе петрашевцев

«Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к Кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плешеева, Дурова, которые были возле и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры».

(Ф. М. Достоевский. *Письма. 1832-1849 гг.* М.М. Достоевскому 22 декабря 1849. Петербург. Петропавловская крепость 22 декабря. DirectMEDIA, 1926. p. 3169 [1849])